

Отзыв официального оппонента на диссертацию Лукина П.В.

«Вече в социально-политической системе средневекового

Новгорода», представленную на соискание ученой степени

доктора исторических наук по специальности 07.00.02 –

Отечественная история.

Одной из важных задач отечественной науки является выявление и изучение особенностей исторического пути развития Древней Руси, а затем – России. Одна из таких значимых особенностей – существование на Руси таких политических образований, в которых, как главный, высший орган власти выступает «вече». Главным из таких образований по общему мнению исследователей было Новгородское государство. Между тем и в отечественной и в зарубежной научной литературе налицо глубокие принципиальные разногласия в оценке характера, как новгородского вече, так и общественного строя Новгородского государства в целом. Поэтому предпринятое П.В. Лукиным специальное исследование, цель которого установить, что представляло собой новгородское вече, как общественное явление, как центральное звено социально-политического строя Новгородской земли, следует признать уже по этой причине весьма важным и своевременным.

Подробная характеристика историографии темы содержится в 1-ой главе диссертации. Диссидентом ясно показано существование не только в прошлом, но и в настоящее время, по крайней мере, трех разных точек зрения на характер новгородского вече. Согласно одной вече было собранием нескольких сот представителей новгородского боярства. Согласно другой Новгород приравнивается к античным полисам и здесь в городских собраниях принимало участие на равных основаниях городское и сельское население

Новгородской земли. Согласно третьей новгородское вече было собранием жителей города, в котором не участвовало сельское население, являвшееся объектом эксплуатации со стороны Новгорода. Следует отметить и сравнительно недавно выдвинутую точку зрения, что на основе имеющихся, главным образом нарративных, источников невозможно составить представление о характере веча и его роли в общественной жизни Новгорода.

Эта историографическая ситуация поставила диссертанта перед необходимостью критического анализа и этих точек зрения и мобилизованных для их обоснования аргументов. Знакомство с текстом диссертации показывает, что все точки зрения и выдвинутые исследователями аргументы подверглись в ней самому внимательному разбору, ни одно свидетельство или довод не были оставлены в стороне. Именно такой метод полемики принятый диссидентом делает полученные им результаты особенно убедительными.

В этой вступительной части диссертации П.В. Лукин справедливо констатирует, что сравнительная малочисленность свидетельств о вече и преобладание среди них свидетельств нарративных создает в известной мере объективную предпосылку для появления не только разных, но и противоположных точек зрения о характере веча. В заключительной части главы диссидент наметил пути преодоления существующих трудностей. Во-первых, речь идет о том, чтобы использовать наиболее ранние, не подвергавшиеся переработке известия, опираясь на результаты источниковедческого анализа древнерусских летописей. Во-вторых, речь идет о том, чтобы раскрыть содержание этих известий благодаря использованию сравнительно-исторического метода, подчиненного достаточно строгим правилам, когда сопоставляются общества развивавшиеся в

схожих природно-климатических, хозяйственных и социокультурных условиях (как, например, славянские города Западного Поморья и Новгород). В- третьих, речь идет о сопоставлении документальных и нарративных источников. Диссертант указывает на важность привлечения ганзейских документов, содержащих богатый и разнообразный материал об органах власти в Новгородском государстве и взаимоотношениях между ними. Материал этот лишь частично и неполно использовался для изучения темы диссертации отечественными и зарубежными исследователями.

Следует отметить, что в основной части диссертации намеченная программа исследований была успешно реализована, и это позволило диссидентанту подкрепить выдвинутые им положения новыми фактами и новыми аргументами.

Во 2-ой главе диссертации рассматривается ряд важных для изучения темы терминологических аспектов. Представляются основательными соображения диссидентанта, что при изучении деятельности новгородского веча нельзя ограничиться только такими известиями источников, в которых термин «вече» присутствует, так как совершенно аналогичные по характеру собрания летописцы могли обозначать и обозначали по разному.

Существенное место в главе занимает анализ упоминаний (довольно редких) «веча» в раннеславянских и древнерусских переводных памятниках в сопоставлении с употреблением этого слова в оригинальных древнерусских текстах. Представляется важным вывод диссидентанта, что определенное значение собрания горожан термин приобретает только на древнерусской почве. Остается неясным, почему не рассмотрены сведения о значениях слова «вече» в западнославянских языках.

Принципиально важным представляется проведенный в главе анализ значений слов «горожанин», «гражанин», «гражданин» в оригинальных (не переводных) древнерусских текстах. Диссертантом убедительно показано, что в данных текстах этот термин последовательно обозначает жителя города, а не некоего полноправного члена общества независимо от места проживания, как предполагали некоторые исследователи.

В 3-ей главе диссертации «Ранние известия о новгородском вече» диссертант столкнулся с решением сложной задачи – попытаться на основании очень скудных известий ответить на вопрос, с какого времени можно говорить о зарождении новгородского вече, что оно могло собой представлять на раннем этапе своего существования, на смену каким формам организации общества оно пришло.

Диссертант, как представляется, правильно полагает, что появлению новгородского вече предшествовали племенные собрания «словен». С помощью сравнительно-исторических аналогий он выделил такую особенность подобных собраний, как участие в них не только городского, но и сельского населения. Такие собрания обладали и еще одной особенностью – существовало равенство отношений между отдельными территориями. В этом плане большой интерес представляет приведенное диссертантом свидетельство о собраниях саксов, в которых участвовали выборные представители всех округов, входивших в состав этого объединения. Когда на смену «словенам», как главная значимая общность приходят «новгородцы», это означает разрушение традиционной системы отношений. К сожалению, диссертант не рассмотрел смену этой терминологии в летописном повествовании о событиях IX-XI вв. Следовало бы уделить и больше внимания летописному свидетельству о выплате жалованья после похода на Киев –

«смердом по гривне, а новгородцом по 10 гривен», что говорит о появлении не существовавшего, повидимому, ранее резкого различия между положением городского и сельского населения.

Немногочисленные летописные известия, тщательно разобранные доктором, позволила установить существование в Новгороде некой общности, которая в летописи обозначается, как «новгородцы», которая с возникновением чрезвычайных ситуаций оказывается способной на самостоятельные действия. Вместе с тем в обычных ситуациях эти «новгородцы» подчиняются руководству княжеской власти и ее представителей. Как-то более конкретно эта общность не определяется, ясно только, что в нее входят городские жители. При всей скучности имеющихся сведений ясно, что к концу XI в. новгородцы уже предпринимают самостоятельные действия, заставляя считаться с собой.

Полученные результаты, возможно, представляются не слишком содержательными, но они точно соответствуют состоянию источниковой базы, и это следует поставить в заслугу доктору.

В 4-ой главе исследования «Новгородское вече в XII- середине XIII вв.» предпринят тщательный анализ и летописных свидетельств о собраниях новгородцев и их действиях и высказанных по поводу этих известий точек зрения в научной литературе. Этот анализ, проведенный строго и последовательно, позволил доктору прийти к двум первостепенной важности выводам о составе участников новгородского вече.

В обозначавшихся термином «вече» собраниях новгородцев участвовали не только бояре, но и купцы и стоящие на более низких ступенях социальной иерархии слои городского населения («меньшие», «простая чадъ», «черные люди»), которые не только участвуют в вече, но и пытаются активно влиять на происходящие

события. Очень существенно наблюдение диссертанта, что эти люди участвуют в деятельности веча, как члены «кончанских» и «уличанских» объединений жителей Новгорода. Тем самым опровергается точка зрения о «аристократическом» характере новгородского веча.

Одновременно в диссертации показано, что в новгородском вече лишь в событиях 30-х гг. XII в. участвовали жители двух других городов Новгородской земли – Пскова и Ладоги, что же касается сельского населения, то о его участии в новгородском вече никаких свидетельств нет. Тем самым диссертант показал несостоятельность попыток сближать Новгородскую землю с античными полисами. Можно считать доказанным выдвинутое П.В. Лукиным положение, что новгородское вече было собранием свободных полноправных жителей Новгорода.

Такое решение вопроса о характере новгородского веча позволяет сделать важное заключение, что Новгород был «городом-государством», в зависимости от которого находилась обширная сельская территория, облагавшаяся данями в пользу этого центра. Такая точка зрения высказывалась в научной литературе, но именно проделанное диссертантом исследование дает ей серьезное научное обоснование.

Признавая глубокую обоснованность результатов, полученных П.В. Лукиным в данной части его работы, хотелось бы отметить, как задачу на будущее изучение главного источника сведений о новгородском вече этих столетий - Новгородской первой летописи, как летописи владычной, которую писали близкие к новгородскому владыке клирики по его поручению (такой характер источника убедительно показан в исследовании А.А. Гиппиуса). Это позволит показать, каково было место духовенства, той его части, которая

была связана с кафедрой, в жизни новгородского общества и в деятельности новгородского веча.

Диссертант справедливо отмечает, что летописные свидетельства XII-XIII вв. характеризуют деятельность веча в самом общем виде, многое позволяет уточнить обращение к сведениям о новгородском вече второй половины XIII-XV вв., когда летописные известия могут быть сопоставлены с целым рядом документальных источников (среди них особенно богатый и разнообразный материал содержит ганзейские документы).

Совокупность нарративных и документальных источников, характеризующих новгородское вече этих столетий, подвергнута анализу в 5-ой главе диссертации. Следует отметить при этом, что, хотя ганзейские источники и ранее привлекались для характеристики новгородского вече (работы А.И. Никитского, И.Э. Клейненберга), диссертант привлек гораздо более широкий круг таких документов.

В главе получила определенное продолжение проблематика, поднятая в предшествующем разделе. Приведены данные об активном участии «меньших», «черных» людей в деятельности вече вплоть до самого конца самостоятельности Новгородского государства. Приведены также свидетельства того, что сельское население Новгородской земли было подчиненным, неравноправным, не участвовало и не могло участвовать в новгородском вече. Одновременно в главе дан критический анализ некоторых доказательств в пользу аристократического характера новгородского вече. Соответствующее построение основывалось на том, что на вечевой площади могла разместиться лишь небольшая группа людей, которая фигурирует в ганзейском документе 1331 г., как «триста золотых поясов». П.В. Лукин убедительно показал

необоснованность этого построения. Конечно, что такое «триста золотых поясов» во многом продолжает оставаться неясным, но анализ документа 1331 г. показал, что это выражение не обозначало в нем участников новгородского веча . Проделанное исследование позволило диссиденту сделать важный вывод, что несмотря на серьезные изменения социальной структуры новгородского общества в XIV-XV вв. новгородское вече сохранило свой традиционный характер.

Заметное место в главе занимает критический анализ взглядов тех исследователей (прежде всего шведского ученого Ю. Гранберга), которые отказывались видеть в вече важный орган власти, рассматривая его, как некое «собрание населения», которое могло собираться от случая к случаю, не занимая определенного места в структуре новгородского общества. П.В. Лукин, обращаясь и к древнерусским и к ганзейским источникам, показал несостоятельность таких положений. В диссертации собран целый ряд свидетельств источников XIV-XV вв. о деятельности вече , как органа власти. На вече принимаются законы, зачитываются и составляются «вечные» грамоты. Известны также «вечные» дьяки и посылавшиеся вечем приставы. Хотелось бы отметить, что в одном из немногих документов, характеризующих деятельность псковского вече, упоминается «ларь», где хранились выданные на вече грамоты, и его хранитель – «ларник».

В диссертации на основе анализа разнообразных свидетельств показано, что в Новгороде не существовало какого-либо четкого разграничения компетенции между вечем и другими органами власти. Вече могло заниматься самыми различными вопросами, если в их решении оказывались заинтересованы члены городской

общины. Диссертант справедливо видит в этом общую закономерность организации жизни в средневековом городе.

Представляются убедительными соображения П.В. Лукина об отсутствии в Новгороде четкого порядка избрания на главные должности, здесь все зависело от сложных отношений между различными частями городской общины.

Особое место в этой главе диссертации занимает сюжет о существовании в Новгороде высшего органа исполнительной власти, так называемого «совета господ». Важность этого сюжета связана с тем, что ряд зарубежных исследователей, отрицая существование в Новгороде такого органа, отказывались на этом основании сопоставлять Новгород с европейскими средневековыми городами.

Обращение к ганзейским документам позволило диссидентанту показать, что уже в документе 1331 г. фигурируют некие «господа», которые ведут с ганзейцами переговоры от имени Новгорода, посылая к ним «биричей» – глашатаев. Состав такого органа четко обрисован в документах начала XV в. – архиепископ, посадник, тысяцкий, старосты пяти концов Новгорода, они заседали на владычном дворе. К середине 40-х гг. XV в. этот «совет» заметно расширился. Вместе с тем из ряда имеющихся текстов ясно следует, что окончательное решение в целом ряде случаев принадлежит вечу. Представляются основательными соображения П.В. Лукина о типологической близости новгородского совета и «господы» средневекового Пскова. Хотелось бы только отметить, что псковская «господа» упоминается не только в правой грамоте 1483 г., но и в приписке к духовной Никиты Хова (90-е гг. XV в.), где говорится об участии «господы» в выполнении некоторых распоряжений этого

документа. Эта деталь позволяет предполагать, что подобно вечу «господа» могла заниматься самыми разными вопросами.

В 6-ой главе диссертации рассматривается поднимавшийся в научной литературе вопрос о существовании особого «вечевого» суда. В проведенном диссидентом исследовании показано, что на вече, как правило, не осуществлялись судебные процедуры, связанные с расследованием и вынесением после него каких-то решений. Вместе с тем источники сохранили серию известий о внесудебных расправах, когда собравшиеся на вече члены городской общины признавали одно или нескольких лиц преступниками, нанесшими общине серьезный ущерб. Вслед за таким решением следовали казни, уничтожение домов преступников, конфискация их имущества и его раздел между членами городской общины.

На обширном материале, характеризующем нормы права различных европейских народов, диссидентом убедительно показано, что корни таких расправ следует искать в архаических традициях еще до-государственного права, которые продолжали занимать важное место в сознании новгородцев, проявления таких традиций, как показано диссидентом могут быть обнаружены и в средневековых городах Западной Европы. В главе собран также интересный материал и о предпринимавшихся попытках как-то ограничить это вечевое правосудие. В этом плане большой интерес представляет содержащийся в диссертации анализ действий новгородских магистратов, которые описаны в ганзейском документе 1331 г. К сожалению, диссиденту осталось неизвестным описание внесудебных расправ в Новгороде в «Трактате о двух Сарматиях» Матвея Меховского.

В главе 7-ой диссертации рассматривается вопрос о характере военных сил в средневековом Новгороде и некоторых других

древнерусских землях. Центральное место в главе занимает критический анализ утверждений ряда исследователей, что главной военной силой в таких землях являлось «народное ополчение», в котором на равных основаниях участвовали и горожане и сельские жители. Диссертант убедительно показывает несостоятельность такого положения. Источники действительно неоднократно отмечают присутствие сельских жителей в составе древнерусского войска, но они идут на войну, подчиняясь приказам князя или веча главного города земли. Как отмечено в рассказе о Липицкой битве в Новгородской IV летописи, «беше бо погнано поселян до пешца». Как показывают приведенные диссертантом свидетельства псковских летописей, решениям из центра должны были подчиняться и жители других городов.

Вместе с тем, как показано в диссертации, важную часть военных сил Древней Руси образовывали «городские полки», подчинявшиеся не только в Новгороде, но в до-монгольское время и в некоторых других землях, решениям веча. В летописных известиях они четко отличаются от княжеских дружины. Особое внимание диссертант уделяет известиям о составе такого «городского полка» в Новгороде. Им убедительно показано на основе анализа широкого круга источников, что новгородское войско вплоть до конца самостоятельности Новгорода подобно новгородскому вечу состояло из представителей разных слоев населения Новгорода – от бояр до простых ремесленников. Эта глава дает, таким образом, дополнительное обоснование той характеристике новгородского общества, которая изложена в 4 и 5 главах диссертации.

В приложении 1 к диссертации П.В. Лукин, отталкиваясь от полученных результатов, обращается к характеристике новгородского политического строя в целом. Есть основания

согласиться с его заключением, что политическое образование, где источником власти является коллектив полноправных горожан, следует характеризовать, как республику, хотя такую, где полнотой политических прав пользуется лишь меньшинство населения (полноправные жители Новгорода).

Все сказанное позволяет сделать конечный вывод, что в диссертации П.В. Лукина предложено верное, глубоко и всесторонне обоснованное решение вопроса о характере новгородского веча и показана его роль, как верховного органа власти в Новгородском государстве. Не менее важно, что в ней убедительно показана необоснованность других предлагавшихся решений. Тем самым заложена прочная основа для дальнейшего изучения социально-политического строя Новгородского государства – одного из наиболее крупных политических образований средневековой Руси. Полученные П.В. Лукиным результаты могут быть использованы при изучении других древнерусских образований сходного типа (например, роли полоцкого веча в жизни Полоцка и Полоцкой земли). Проделанное исследование открывает и новые возможности для сравнительно-исторических сопоставлений общественного строя Новгородского государства с общественным строем сходных политических образований в других частях Европы.

Основные положения диссертации глубоко и всесторонне обоснованы и она представляет собой крупный вклад в изучение социально-политической истории средневековой Руси. Перед нами исследование крупной исторической темы, выполненное на высоком профессиональном уровне, которое соответствует критериям, установленным «Положением о присуждении научных степеней» (№ 842 от 24.09 2013 г.), а его автор заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности

07.00.02 – отечественная история. Основные положения диссертации изложены в реферате достаточно точно и полно.

Дата

10/IV-2015

Подпись

Флоря Борис Николаевич
доктор исторических наук
член-корреспондент РАН

зав Отделом истории средних веков

Федерального государственного бюджетного учреждения науки

Института славяноведения Российской академии наук

(119991 Москва, Ленинский проспект, 32-а, корпус «В»

тел. 84953981780)

Подпись Б.Н. Флоря удостоверю

ВЕРНО:

Заведующая кадрами

Лариса Куренная

10 марта 2015 г.

